
Кирилл САФРОНОВ

ПРОДАЮЩИЕ ТЕКСТЫ

БЫВАЕТ

(текст, продающий свободу)

Бывает — так, бывает — сяк.
Ты то — фонтан, а то — иссяк.
Это — закон, а не косяк.
Ты слышишь, киса?
Даже тогда, когда не прет —
несись на всю, живи вперед.
Нам — как биограф подоврет —
закон не писан.

МАТЕМАТИКА

(текст, продающий юмор)

Смешно, но математику я не люблю —
с ней слишком просто двинуться.
Скажем, прикладываешь рубль к рублю
и говоришь продавщице: «Теперь — одиннадцать».
Не то чтобы неприличное что-то вещаешь
(не «love me» — прости Господи — «tender, love me»),
да такое слышишь в ответ, что — хоть и прощаешь, —
а приглядываешься — травма на травме.

МУР

(текст, продающий творчество)

Вечер. Комната. Молчанье.
На груди журчит мурчанье —
умудрился кот усесться
так, что я услышал сердце.

Кирилл Сафронов родился в Таганроге. Автор ряда эссе для образовательного портала «New-topew», статей о кино для портала об искусстве «Artifex». В прошлом — студент ИЖЛТ (участник семинаров Л. А. Аннинского и Д. Ю. Веденяпина) и преподаватель киноколледжа «Московская международная киношкола». Публиковался в литературном журнале «Дон», книге ростовских авторов «Волна за волной», поэтических сборниках «Опаньки», «2 lit-ra». Автор книг «Чуйка» (2017) и «Южный говор» (2019). Живет в Москве.

На подушке из «Икеи»
на неясном языке и
чистой музыке без слова
я почувствовал, что снова

вспоминаю — кто я, где я,
что внутри была идея,
что и жить совсем неплохо —
если вне переполоха,

если песней память обнял
и диковинное вспомнил,
если чье-нибудь мурчанье
перебьет мое мычанье.

НА ВЫПУСК УЧЕНИКА (текст, продающий дружбу)

Никите Хома

Всё плохо будет, так что Ма
и Па не защитят —
не надевай тогда ума
кастрюлю на котят.

Всё будет просто дрып-ца-ца —
клубника в молоке —
не забывай, что до конца
трамвай недалеко.

Всё скучно пахнет в ноябре,
в апреле — веселей.
Тех обходи, кто в серебре,
и всяких киселей.

Ты знаешь, иногда — тепло,
но чаще — говнецо.
Но даже получив в табло —
забрасывай в кольцо.

Храни ростки и очаги,
не стереги гастрит.
И, как сказал учитель, — жги —
пока огонь горит.

С ДАНТЕ (текст, продающий философствование)

Земную жизнь достаточно пройдя,
я очутился неизвестно гдя.
Без имени и, кажется, таланта.

Ах, Данте, Данте! Знал бы наперед,
что иногда такое настает —
какого дела б стал я фигурантом!

А так — чего? Тревожится понтон,
река вздыхает, будто бы потом —
когда язык уже ушел под воду,
у берегов непоправимый вид,
и лыба месяца надрывисто блестит
с того чего-кому-почем я продал.

Из ничего — считай, небытия —
поди сваргань чего незнамо гдя
и именем на летопись не брызни —
пароль от точки доступа, увы,
только как тост годится у Невы —
только как слоган непутевой жизни.

Так что же это, слышишь, и про что?
Про то, что все прошедшее прошло,
про то, что лей — на доньшке осталось.
Мы двигались вперед за счет беды,
но вынесло нас явно не туды,
хотя вполне оттуда начиналось.

Земную жизнь достаточно пройдя,
в кармане — ни кредитки, ни гвоздя,
чтоб хоть на чем-то выцарапать имя.
Но пальчиком так сделай «а-я-яй»
и из последних фильтру повторяй:
«Галимо жить, да помирать галимей».

СО ЛЬДОМ (текст, продающий борьбу)

Человек сражается со льдом,
человек сражается с трудом,
и его нехитрый инструмент
пробивает лед, скребет цемент,

но за этим льдом второй есть лед —
человек не рад, что он живет.
Он хотел бы скорбный долг смахнуть,
как букашку, каплю пота, что-нибудь,

и — махнуть, куда-нибудь махнуть,
чтобы v на t равнялся путь.
Его путь в сражении со льдом —
но поди скажи ему о том.

С УЛОВОМ
(текст, продающий родину)

Принципиально — все о'ке.
Я жил, я видел ливень на реке.
Я прятался тогда в особняке
затерянной в безвременье турбазы.
Сосед-рыбак принес улов в кульке,
но я и поздоровался не сразу.
Я провалился в луж кучу малу,
одной ногой — на треснувшем полу,
другой — на стуле, прислоненному к столу,
где на клеенке умирала рыба.
Тот ливень присоединил меня к числу
незнающих — кому сказать «спасибо».

ЛАДОНИ
(текст, продающий любовь)

Ладони привыкают ко всему:
к любви и смерти.
Они сжимали жадно шаурму,
тряслись в десерте,

сворачивались кровью в кулаки,
ловили мячик,
соединялись в домик от тоски
и всех болячек.

Когда же их не впечатлял огонь,
ни спирт в бидоне —
я чувствовал, близка твоя ладонь
к моей ладони,

и верилось — тебя я обниму,
как на концерте,
и вместе удивимся мы всему:
любви и смерти.

Теперь привычна мятость простыни
и гладкость кожи,
меня — если проснулась — ущипни,
чтоб я встал тоже.

Привычное останется во сне,
а нет — прогоним:
прижмись, насколько мыслимо, ко мне —
ладонь к ладони.

ЗНАЕШЬ
(текст, продающий жизнь)

Знаешь — если я умру — не устраивай муру,
а без клятвы на крови — будто я с тобой — живи.

Называй мне города или говори «ну да»,
а не в кайф — не говори, мы с тобой — не словари.

Знаешь, просто иногда приходи — как есть — туда,
где волна волне вослед повторяет: «Смерти нет».

ОСТАЕТСЯ
(текст, продающий послесловие)

А потом — мы с котом помечтаем о том,
как все быть бы могло, да — не случилось.
Все кончается, да: люди и города,
даже — страшно сказать — «Доктор Хаус».

Остается строка, на экране рука
на недавнем на праздничном фото.
Остается внутри — как ты только ни ври —
непонятное теплое что-то.

Вот о нем-то и речь — остается беречь
то, что вспыхнуло и затаилось.
В нашем доме пустом мы решили с котом:
все случится, чего не случилось.

Будет бис и поклон, как замедленный сон,
и цветы, и овации зала.
И гип-гип, и ура, и другая мура —
будет так, как сама ты сказала.

Мы с тобой неспроста, и с пустого листа
начинать еще часто придется.
Ну, и Бог с ним, с листом. Мы-то в курсе с котом:
все проходит, но все остается.